

без редакторской правки, что повышает фактическую значимость законов и дает возможность более четко выявить эволюцию социальных отношений. По сути дела, в Кодексе Феодосия мы имеем тематически объединенную россыпь законов разного времени, которые удалось собрать, избегнув какой-либо переработки. Отсюда повторяемость многих постановлений, которая, по мнению Р. Макмиллана¹⁶, важна как определенный показатель реальной неэффективности некоторых мероприятий государства, что подрывает доверие к степени их реализации, особенно когда речь идет о сложных социальных процессах.

Основные особенности юстиниановского законодательства исследователи видят в том, что в нем были осуществлены последовательный отбор законов, их систематизация, переработка, устранение противоречий, приспособление старых законов к новой обстановке¹⁷. В литературе последних лет политика Юстиниана в отличие от политики предшествующих императоров рассматривается как особенно последовательная, программная, что, по-видимому, было связано прежде всего со всеобъемлющим характером нарастающего кризиса ранневизантийского общества.

Этот подход справедлив и в отношении законодательства как одной из сфер проявления всей политики Юстиниана. Программность в его законодательстве проявляется в четком следовании единым установкам. Законодательство Юстиниана неизмеримо более отражало эти установки, чем конкретные реальные ситуации. Но его заданность, запрограммированность важна сама по себе как показатель системы борьбы с нарастающим кризисом, направленности социальной политики¹⁸.

¹⁶ MacMullen R. Social Mobility and the Theodosian Code // JRS. 1964. Vol. 54. P. 49—53; Seyfarth W. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. В., 1963.

¹⁷ Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1965. Т. 26; 1967. Т. 27.

¹⁸ Вершиной позднеантичной политики, наиболее ярким ее выражением считают политику Юстиниана. Большинство исследователей склонны рассматривать его как, по существу, последнего римского императора, а его политику как последнюю попытку путем известных реформ и уступок сохранить принципиальные основы античного общества. Как писал один из известных исследователей эпохи Юстиниана — Баркер, то, что «стремился восстановить и оживить во всех аспектах своей государственной и общественной деятельности Юстиниан, был миф античности». См.: Barker J. Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966. Именно в связи с тезисом о программности юстиниановского законодательства с особой остротой встает вопрос об исходных установках его социальной политики. В советской историографии всестороннюю оценку времени правления Юстиниана и его законодательству дала З. В. Удальцова, посвятившая этому периоду целый ряд исследований. Достоинством ее работ является то, что в них впервые предпринята попытка последовательно подойти к рассмотрению и оценке законодательной деятельности Юстиниана исходя из учета реальной расстановки социальных сил, их нужд, требований, удельного веса в социальной и общественно-политической жизни империи. Наиболее отчетливо все это обобщено в написанных исследовательницей главах о законодательной деятельности, экономической и социальной политике Юстиниана. См.: История Византии. М., 1967. Т. 1. Она впервые смогла системно охарактеризовать отношение Юстиниана к сословию курялов, мелким земельным и городским собственникам, к колонам. Отношение Юстиниана к земельной знати, сенаторскому сословию отныне стало вырисовываться как более сложное. Дальнейшее изучение этих проблем проходило по двум линиям. С одной стороны, более критично проверялись свидетельства и оценки нарративных источников, прежде всего произведений Прокопия (связанная с этими сюжетами прокопиана за последние годы насчитывает не одну сотню работ). С другой стороны,шло более углубленное изучение и оценка социальной политики Юстиниана на основе анализа его законодательства, так сказать, изнутри. На определенном этапе возникла естественная необходимость свести, вернее, соотнести полученные результаты, что и было осуществлено на специальной конференции. См.: L'imperatore Giustiniano. После работы А. Хольвега о положении епископов в VI в. вновь предстала и юстиниановская политика в отношении церкви и монашества. Стала отступать на второй план упро-